

... Тучам солнца не скрыть, войне мир не победить ...

– Ни минуты покоя! – приветствую вас, дорогие потомки. Надеюсь, вы ещё не успели забыть, что произошло в прошлой главе сей книги. Впрочем, даже если и забыли, я, разумеется, милостиво напомню вам о том, какую же кашу я заварил.

Собственно, а каша это была натуральная. Как и было сказано, у меня не было ни минуты покоя. Стоило мне завершить битву с фракийцами, как тут же встал вопрос о том, как завершить войну. Очевидно, мой триумф фракийцы будут помнить ещё очень долго, но как долго – вопрос другой, и не менее важный, я должен сказать.

В общем-то, дело было сложное. Разумеется, теперь, после столь оглушительной то победы, именно мне предстояло решить, кто будет править Фракией, а также то, в каких отношениях он будет находиться с моим царством.

Выбор, к слову, был невелик – у Раскупорида было всего трое детей. Младший сын и единственная дочь убитого фракийского царя, оба – его самые младшие потомки, находились в столице вместе с их матерью.

Они были привлекательны тем, что были очень молоды и, таким образом, не было сомнения, что, поставь я одного из них на трон, фракийское царство ещё очень долго не будет представлять для меня угрозу, это точно. Тем более, что дочь фракийского царя можно было женить на одном из знатных вельмож Македонии или Египта.

С другой стороны, в моих руках был самый старший сын Раскупорида, выживший в битве и теперь находившийся в моём плену. Я мог бы и его привести к власти – но он, уже юноша, в ближайшем будущем мог представлять угрозу для меня.

Взвесив все "За" и "Против", я остановился на младшем сыне Раскупорида I, Амадоке. Впрочем, прежде чем кого-то там устраивать кого-либо царём, или же выдворять кого-либо из фракийского царства, необходимо было вступить в его столицу, а это, как вы понимаете, было хоть и довольно лёгким теперь делом, но всё же опасным.

Недооценив фракийцев, когда-то поплатился и сам Филипп II Македонский, талантливый полководец и создатель того величия, которое озарит в будущем всю Персидскую державу. Разумеется, я не мог допустить его ошибок, а потому продвигался хотя и быстро, но очень осторожно, соблюдая боеготовность.

К счастью, мои опасения были беспочвенны – нигде я не встретил сопротивления. Всюду после моей победы царствовали апатия и уныние – все ожидали грабежей, насилия, мародёрств и прочих зверств, но я не стал тратить на них своё время – оно было для меня на вес золота, а потому я тут же устремился к столице, которую и занял в скором времени.

Как ни странно, там меня встретила жена Раскупорида I, уже водрузившая без моего ведома

корону на своего младшего сына. Она попыталась договориться со мной, надеясь в дальнейшем править единолично в качестве регента при малолетнем сыне, но её попытки договориться были тщетны.

Я не стал убивать её, но взял в заложники, а после отправил в Пеллу, вместе с её дочерью, под конвоем самих гипаспистов, намереваясь сделать из них своих заложников. Разумеется, сразу же после я подтвердил воцарение Амадок III, которому на тот момент было всего 3 года.

Собрав всю фракийскую знать в кратчайшие сроки, я договорился с ней о том, как будут устроены наши отношения. Пожалуй, мне стоит указать ряд наиболее важных пунктов того соглашения, которого я достиг. Хотя, конечно же, соглашением это трудно назвать:

1. Фракия, в лице Одрисского царства, отныне признаётся протекторатом Египта.
2. В силу первого пункта, Одрисское царство отныне обязано предоставлять правителю Египта или лицу, выражающему его волю, оговоренные контингенты и уплачивать единый налог, устанавливаемый по соглашению сторон.
3. В силу первого пункта, Египет и его правители обязывают отныне оказывать Одрисскому царству, а также его правителям, любую необходимую военную и экономическую помощь, чтобы гарантировать существование последнего.
4. В силу особых союзных отношений, закрепляемых данным договором, правитель Египта признаётся главой созданного союза, а потому отныне имеет ряд особых прав и привилегий, необходимых для успешного выполнения им своих союзных обязательств.
5. Признавая важную роль Египта и его правителей в защите Фракии и Одрисского царства, Одрисское царство и его правители отныне признают право Египта и его правителей влиять на процедуру избрания нового царя.
6. В силу недееспособности Амадока III, правителя всех одриссов и других племён, входящих в его царство, вызванной его юным возрастом, отныне признаётся особое право Египта и его правителей формировать особый Совет, отвечающий за решение наиболее важных вопросов, требующих внимания обеих сторон, чтобы гарантировать то, что обе стороны будут надлежащим образом исполнять свои союзные обязательства.
7. Состав Совета не является постоянным, но в нём обязаны участвовать делегаты от Македонии и Египта. Решения, принятые без их согласия или ведома, не являются законными.
8. И так далее, и тому подобное...

Ну и, собственно, всё из важного. Расшифрую для обычных людей – Одрисское царство отныне не имеет политической свободы и является зависимым от Египта государством.

В общем-то, именно к этому все эти формулировки и сводятся. Собственно, так всё и получилось. Взяв детей многих знатных семей в заложники, в том числе и дочь Раскупорида I, которую тут же поженил на одном очень знатном дяде и, по совместительству, египетском вельможе, которому, как оказалось, очень нравятся фракийские девочки, едва вступившие в "плодородный".возраст.

Должен признать, для меня это было очень мерзко, но, знаете, он предложил мне за свой собственный счёт снарядить ещё 100 молодых гетайров для моей личной агеи. Разумеется, я не отказался – да и не было причин.

Во всяком случае, я обеспечил себя в будущем значительным числом знатных отпрысков, которых в любой момент можно было использовать для замены одного одрисского царька на другого, более лояльного – лишь бы соответствующее желание было.

Ну и, собственно, женив старшего сына Раскупорида, несостоявшегося Севта IV, на одной знатной македонке весьма преклонного возраста без особого влияния, отправил их обоих в Иудею, лишь бы куда-нибудь его подальше сплавить. Остальных же знатных заложников я отправил в Александрию, чтобы воспитать их при египетском дворе. В будущем, по задумке, это должно было обеспечить мне целое поколение лояльной фракийской знати.

Разумеется, я также оставил во Фракии около 3 000 фалангитов в виде многочисленных гарнизонов, чтобы добиться полного умирения региона. Собственно, на том я и закончил свой поход. Ну и, разумеется, теперь я направлялся к столице Македонии, чтобы получить свой заслуженный триумф.

К счастью, ничего страшного по пути не случилось, а потому в Пеллу я вступил триумфатором, покорившем Фракию. Проведя по улицам города захваченных мной пленников, в том числе и весьма знатных, я сумел добиться восторженных настроений в столице.

Разумеется, сразу же после короткого празднества знатных заложников отправили в Александрию, а тех, кому было предназначено стать рабами, собственно, в рабство и продал. Вернее, имел интенцию сделать это, а потому отправил эту категорию пленников в Родос, чтобы продать их на самом знаменитом и крупнейшем невольничьем рынке всего Средиземного моря.

Сделав это, я, наконец-то, сумел обратиться к другой, не менее важной проблеме. Видите ли, отцу до сих пор не стало лучше – его состояние стабилизировалось, но его жизнь всё ещё висела на волоске. И, знаете, сложившаяся неопределённость весьма и весьма беспокоила и знать, и простой народ. Причём как в Египте, так и в Македонии. Не беспокоилась, пожалуй, только Фракия, которой ясно дали понять, что ей при любом раскладе рыпаться не стоит.

У меня даже возникло весьма убедительное желание закончить страдания своего отца, ведь это было бы удобным для всех, а особенно для меня, но, к счастью, задумка так и осталась задумкой – отцеубийство всё ещё было той чертой, которую я не был готов пересечь.

Конечно же, я не воспринимал его как своего настоящего отца, ведь он не постарался в достаточной степени для того, чтобы одарить меня любовью, заботой и вниманием, но близким родным он мне от этого быть не переставал. Тем более, что сейчас он был для меня совершенно безобиден.

Впрочем, мои сомнения вскоре прервала необходимость – мне всё ещё необходимо было замирить дарданцев. Власть над ключевыми стратегическими позициями, это, конечно, хорошо, но ещё лучше – это уничтожить угрозу в самом её корне.

Ну и, собственно, чтобы это сделать, я начал очередной поход – на этот раз, в самое сердце Дарданского царства. К счастью, необходимый для этого переход всё ещё был для меня открыт, ибо его контролировал мой гарнизон, а я, получивший подкрепление в лице 3 000 наёмников и 2 000 фракийцев, в их числе – 200 всадников, присоединившихся к моему войску по договору, имел более чем достаточное количество сил.

Ну, вернее, мои силы были практически теми же, что и во время фракийского прохода. В оном я понёс потери в лице 3 000 пехотинцев и 100 всадников, большинство из которых я потерял в битве у Родопских гор, причём большей частью они приходятся на наёмников.

Кроме того, мне пришлось оставить 3 000 фалангитов в качестве гарнизонов, так что состав моего войска изменился в пользу большего засилья наёмников и "союзных" контингентов, но, в принципе, численность осталась прежней.

Так что, как ни странно, в текущий момент я имел 33 000 пехоты и 4 100 всадников. В принципе, более чем приемлемо. Тем более, что особого сопротивления я не ожидал. К слову, весьма зря – было большой ошибкой расслабляться подобным образом.

Стоило мне очутиться на другой стороне перевала, как произошла засада. К счастью, худшего удалось избежать, и даже более – я сумел победить и рассеять врага, но, к сожалению, понёс при этом весьма ощутимые потери, большей частью которых ещё и пришлась на "царские" отряды, в том числе и моих молодых гетайров.

Впрочем, далее особых проблем не наблюдалось – разбив ещё один отряд дарданцев, я осадил их столицу. Впервые воспользовавшись своим весьма значительным парком осадных устройств, я сумел в кратчайшие сроки заставить её сдаться.

Хотя, всё же пришлось брать её штурмом – в ходе одного мне чуть лёгкое не пробили дротиком, но, к счастью, доспех – как-никак, трёхслойная защита из бригантины, кольчуги и стёганки хорошо держит даже весьма приличные удары. Ну, если не считать того, что потом доспех пришлось чинить.

Ну, вернее, это мне то пришлось просто починить свой доспех, а вот дарданцам было очень несладко. Когда по войску прошёл слух, что в меня попал дротик, мои солдаты подумали, что я уже при смерти валяюсь (ну, в принципе, и валялся бы, если бы не доспех) и мне там считанные минуты остались, а потому их резко охватила жгучая ярость.

Не буду описывать произошедшее в подробностях. Скажу лишь то, что больше у него жителей не было. Разумеется, после ТАКОГО дарданцы стали гораздо более сговорчивыми. Дело случая, конечно, но всё равно приятно, что я сумел навязать им те же условия, что и фракийцам. Полагаю, всевышний действительно существует, потому что мне снова повезло – Лонгар тоже оказался весьма плодовитым мужчиной.

Провернув всё те же фокусы, я замирил уже Дарданское царство, но вскоре пожалел, что вообще затеял это – следовало ограничиться мягким миром и контролем над доступом к Пеонии и внутренним регионам Македонии.

Я как то и не сразу заметил, что после очередного установления ряда гарнизонов у меня осталось всего-навсего 9 000 фаланги. То есть, всего одна линия фаланги. Печально? Печально! К счастью, войск всё ещё было много, хотя теперь моё войско практически полностью состояло из наёмников. Весело, ага.

Вернувшись в Пеллу, я, наконец-то, мог уделить внимание Фессалии. Вернее, я мог и раньше это сделать, но тогда я счёл, что без замирения дарданцев и фракийцев я не был готов к Фессалии. Ну, а теперь я был готов, ведь прекрасно выполнил свой план – к счастью, Антигон всё это время счастливо дрался в ожесточённой битве с этолийцами.

К несчастью, мне предстояло замирить регион, всё это время готовившийся к обороне против меня. Уж не знаю, чем я так насолил фессалийцам, но мне пришлось буквально с первых же минут моего вторжения в Фессалию драться. Драться, должен признать, весьма ожесточённо.

По крайней мере, первое время...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2345775>